

ИЗ КНИГИ
КАМЕННЫЙ ХЛЕБ
(1985, 1988)

В белёсых лишаях.....	3
Как жить, когда ты не находишь места.....	3
Эскадроны чугунной кадрили... ..	3
В.А.С.	4
Женщины не плодоносят, и я не хорош... ..	4
Вы знаете, пожалуй, я не лгу... ..	4
Но я одинок – предоставьте же мне общежитье... ..	4
Инертный газ, струящийся из глаз.....	5
Умывшись дымом.....	5
Наша коммунальная подлодка... ..	5
А осень ещё легка... ..	5
Печальная моя, зачем ты здесь.....	6
Вот страсти жёлтое вино... ..	6
Выдавливая из земли... ..	6
Какие-то двери в отслаивающейся краске.....	7
Окостеневшие верёвки... ..	7
Рисунок линий на моей ладони.....	7

В белёсых лишаях,
не подымая слов
(как будто это я
у нешироких снов).

Бетон, вода, бинты,
всё кругом да кругом
(как будто это ты
на берегу другом).

И город. Моему
ему не стать твоим
(ни вздоха одному,
ни выдоха двоим).

Как жить, когда ты не находишь места
не то, что голову – куда там! – даже взгляд
не преклонить – приткнуть, когда известно -
тебе, а не с тобою говорят.

А солдатня выстраивалась в ряд
с улыбками из белого железа...

Эскадроны чугунной кадрили
пляшут в поле, меня обступив.
И вытягивают, что есть силы
деревянный мотив.

Эти кирзовые эскадрильи
тянут небо, открывши глаза,
тянут небо, закрывши глаза.

Сапоги и пропеллеры пыли,
деревянные, будто лоза.

Содрогаются поле и воздух,
содрогается пыль. Батальон
марширует по вздувшимся водам.
Содрогается мой медальон

из чернеющего эбонита...

В.А.С.

Музей мазута и осок Исеть.
Стекло, сок тыквы. Выкатив восток,
костры кирпичных трубчатых костей
жжёт во дворах загаженных Свердловск.

Дворах, дворяне, двери, коридор,
стена, пролом. Пролог. Играют фарс.
Со свистом свастик. Сверловск. Автодор.
Инсектициды. Воинская часть

идёт. И в детских датах, идиот.
Сегодня – баня, погода – театр.
СЭВЭПЭТАУ. САУ. Антидот.
Лай ГлавАПУ. Гражданские права.

...Женщины не плодоносят, и я не хорош.
Птицы летят под землю, как белые пни.
В шахтах горят и раскачиваются огни.
И снизу вверх, из земли поднимается дождь.

И нестерпимо сверкает и клином летит
никелированных спутников стая на юг.
И разверзается город. В траншеях встают
канализации трубы и воют навзрыд.

Я закрываю руками лицо и бегу.
Падая и поднимаясь опять и опять.
Лучше бы мне обо всем этом было не знать.
Лучше бы было мне не говорить ни гу-гу.

Вы знаете, пожалуй, я не лгу.
Пожалуй, это только опечатки.
Я разгибаю ночь, как кочергу,
и утром на ладонях - отпечатки.

Но я одинок – предоставьте же мне общежитье,
пришлите техпомощь, а помощи этих – не надо,
но сделайте что-нибудь, чтобы мне память отшибло,
но пронумеруйте меня и зачислите в стадо.

Но на искажённых дорогах блюют самосвалы
и жмутся, и ноют, глаза закрывая, мопеды,
но все города наполняются запахом страха,
но на расстоянье полёта никто не подъедет,

но Родина где же? – лишь ёкающее пространство...

Инертный газ, струящийся из глаз –
как иглы логики голы, как логопеды
картавы! Как намыливают нас
об геликоны в наши дни победы.

Кошунствуйте. Меж нами связи нет.
Связист застрелен, я – обезьязычел.
Инертный газ, люминесцентный свет –
как тщательно меня ты вычислил. И вычел.

Ты вычистил меня, как рыбу. Ты
меня, как в нимб, в тарелку «Общепита».
Районные армейские коты
кивают мне внимательно и сыто.

Инертный газ, ревущий, как орган
(аргон). Здесь тяжело – и спичка гаснет –
дышать. Криптон, неон. Наган.
Люминесцентный свет глаза мне застит.

Умывшись дымом в небольшом лесу,
он выпрямляется и видит – осень.
Лицо он держит как бы на весу,
он говорит: «А ночи-то не очень...»

Он зябнет, утро. Морозящий дождь
и кулаки в карманах телогрейки.
Октябрь. Неунимаемая дрожь.
Тяжёлые, прозрачайшие реки.

Наша коммунальная подлодка
погружается в кефир зимы.
Ничего уже не видно в окна
кроме этой белой-белой тьмы.

У эскадры адмирала Ноя –
репетиция большой войны.
Зябнут отекающие ноги
у моей беременной жены.

А осень ещё легка
без запаха ацетона.
На город ещё пока
не сброшены килотонны.

И ядерная зима
пока ещё не опасна.
И улицы, и дома
не выложены пенопластом.

Но город уже отравлен,
но в городе - холодней.
И вздувшиеся трамваи
лежат у него на дне.

Печальная моя, зачем ты здесь?
Глаза белы и светятся запястья
твои, любимая. Ты знаешь, есть
спокойная, простая рифма – счастье.

Но и несчастье – в рифму. Разве нет?
Какая разница? Вот странность – наше время
не движется, в нём ни часов, ни лет,
не движется. А мы в нём? Да, наверное,

передвигаемся. Но время непомерно.
Хотя – немеряно. Какой судьбой
мы вместе связаны? Вагон без окон
(и без дверей). Куда он нас с тобой
увозит? Знаешь? Никуда? Далёко?

Ты включишь свет – искусственный. Легко.
Легко ли. Тяжело ли. Не привыкну.
Что с нашей жизнью делается? Что?
Ты говоришь, что и несчастье – в рифму.

Вот страсти жёлтое вино,
вот стены в белой штукатурке,
вот растворённое окно,
вот ночь за ним играет в жмурки.

Вот цвет измены – жёлтый цвет.
Вот белый цвет. Вот тёмно-синий.
Вот всё, что я за столько лет
сумел увидеть и осилить.

Выдавливая из земли
стесняющиеся деревья,
тяжелый дождь, качаясь, лил
из провисающего верха.

Бесформенные Он-Она
в полугриппозном состоянии,
как мантры – полувслух читали
свои друг другу имена.

Потом расстались кое-как.

Раскачиваясь и мигая,
он, на всплывающих ногах,
стал подниматься вглубь трамвая.

Она почти не поняла.
Дрожала, не могла согреться.

И судорога вдруг свела
трамвайные сырые рельсы,

Какие-то двери в отслаивающейся краске,
дом без потолков и осенние валятся листья.
Любимая, мне почему-то становится страшно,
иду за тобой – ты уходишь, ты тоже боишься?

Десятки дверей прохожу в постепенной погоне -
какая-то осень. Всё время какая-то осень.
Не вспомнить лица твоего и твой голос не вспомнить,
а ты не оглядываешься и не произносишь.

Окостеневшие верёвки,
остекленевшее бельё.
Мир в заморозки так подробен –
как небогатое жильё.

Как будто кошки на деревья,
балконы влезут на дома.
Простой замок на нашей двери
копейкой отопрёт зима.

И через силу, еле-еле,
мы, сидя в кухне, говорим.
И на черствеющую землю
намазан тощий маргарин.

Рисунок линий на моей ладони
стал деревом у твоего окна.
Ты приложи ладонь к стеклу и вспомни
меня, когда одна.

Но ты упросишь - этот тополь свалят.
Беззвучно свалят, как в немом кино.
Потом - зима. И холода настали.
И заросло окно.
